

ВИКА ПЛАМЯ

**МУЖЬЯ
ДЛЯ ЗЕМЛЯНКИ.
ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ВЫБОР**

Вика Пламя

**Мужья для землянки.
Галактический выбор**

«Литнет»

2025

Пламя В.

Мужья для землянки. Галактический выбор / В. Пламя —
«Литнет», 2025

Алена случайно попадает в 3024 год, где женщин мало и каждая обязана выбрать несколько мужей. За «невестой из прошлого» объявлена настоящая охота. Убегая от навязанного жениха, она маскируется под парня и прячется на космическом корабле. На пути ей встречаются несколько решительных и влюбленных в нее мужчин. Кто окажется достойным её сердца - решит только побег через всю галактику! #космические приключения # сильные герои в нестандартных ситуациях #битвы не на жизнь, а на право любить по-своему #многомужество #эмоции на грани

© Пламя В., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Украденная воля	5
Глава 2. Тени прошлого и новые надежды	10
Глава 3. Первые испытания	14
Глава 4. Узы, закалённые звёздами	17
Глава 5. Тени прошлого	20
Глава 6. Бегство	23
Глава 7. Граница Изгнанников	26
Глава 8. Лик из прошлого	28
Глава 9. Игры с тенью	31
Глава 10. Когти Торна	34
Глава 11 Выбор	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1. Украденная воля

Резкий толчок, словно удар молнии, вырвал Алену из небытия. Тишина давила на уши, лишь изредка нарушаемая приглушенным гулом механизмов. Воздух, сухой и терпкий, пах озоном и холодной сталью — запах чуждый, тревожный, как предчувствие беды. Она лежала на жесткой, ледяной поверхности, напоминающей металл, и медленно подняла голову. Вместо привычной лазури небес над ней нависал потолок, сложенный из стальных панелей, от которых исходил призрачный голубоватый свет, струящийся тонкими полосами по стенам.

Алена села, моргая, словно отгоняя остатки сна, тщетно пытаясь собрать воедино обрывки памяти. Последнее, что она помнила — лаборатория, эксперимент с квантовым резонатором. Ослепительная вспышка, поглотившая все вокруг... и пустота.

— Где я?.. — прошептала она, и голос дрогнул, словно хрупкий лед под первым весенним теплом.

В ответ раздался женский голос, мягкий, но лишенный живого тепла, словно застывший в ледяном дыхании машины:

— Добро пожаловать в Дом Выбора.

Алена вздрогнула, как от удара. Взгляд ее заметался по комнате в поисках источника звука, но голос, казалось, рождался из самого воздуха, проникая в сознание.

— Вас зовут Алена. Вы перемещены в 3127 год. Согласно Закону Сохранения Женской Линии, вы имеете право на выбор до пяти мужей. Подготовка к церемонии начнется через три часа.

Мир в голове Алены перевернулся. 3127 год? Нелепая ошибка? Кошмарный сон? Она встала, словно лунатик, и подошла к стене, осторожно коснувшись ладонью. Поверхность отзывалась слабым теплом, словно живая. Панель вспыхнула, являя ей зеркальное отражение.

Та же она — светлые волосы, растрепанные, словно после бури, беспорядочно разбросанные по плечам и лбу, словно отражение внутреннего хаоса и тревоги. Ее бледное лицо, тронутое тенью испуга, казалось почти прозрачным в свете тусклых ламп коридора, где каждая черта — от сжатых губ до широко раскрытых глаз — говорила о страхе и решимости одновременно. Но одежда... Белый комбинезон, тонкий и облегающий, словно вторая кожа, казался создан не для защиты, а для бесстыдной демонстрации уязвимости. Материал, почти прозрачный, нежно облегал каждую линию тела, подчеркивая хрупкость и силу одновременно, словно напоминание о том, что даже в самой беззащитной оболочке можно скрывать огонь борьбы. В этом наряде она выглядела одновременно пленницей и воительницей, чья судьба висит на волоске, но чей дух несломлен.

— Нет, нет, нет... — прошептала она, отступая назад, словно от привидения. — Это какая-то чудовищная ошибка. Я не должна быть здесь.

Но бесстрастный голос вновь прервал её отчаянные мольбы:

— Ваши претенденты уже прибывают. Командор Рейлан Торн выразил особую заинтересованность. Он настаивает на личной встрече до церемонии.

Имя прозвучало как удар хлыста. Она не знала, кто такой Рейлан Торн, но ледяной комок страха сковал сердце. В самом звучании его имени, в слове «настаивает», сквозило что-то хищное, заставляющее кровь стынуть в жилах.

Дни в Доме Выбора тянулись, словно в кошмарном сне, вязком и бесконечном, где время теряло очертания, а реальность расплывалась, как туман за стеклом. Каждое утро начиналось одинаково — с холодного света, проникающего сквозь полупрозрачные стены, с голосов, звучащих из невидимых динамиков, приказывающих проснуться, умыться, надеть белоснежный комбинезон и явиться на очередной «сеанс выбора». Всё было стерильно, безупречно, пугающе правильно — как будто сама жизнь здесь была отредактирована, вырезана из живого и подогнана под шаблон.

Её окружали люди — женщины, такие же, как она, с пустыми глазами и натянутыми улыбками, и мужчины, чьи взгляды скользили по ним, как по товарам на витрине. Но никто не был настоящим. Все они были лишь марионетками в бездушном механическом спектакле, где каждый шаг, каждое слово, даже вздох — были заранее прописаны, отрепетированы, одобрены системой. Здесь не было места случайности, искренности, боли или радости. Только холодный расчет, только выбор — не твой, а чужой.

Алена чувствовала, как с каждым днем внутри неё нарастает глухое, тяжёлое сопротивление. Оно не было бурным, не было криком — скорее, это было молчаливое, упрямое пламя, которое тлело в груди, не давая ей сломаться. Она не кричала, не протестовала вслух — но в каждом её взгляде, в каждом сдержанном движении, в каждом отказе подчиниться до конца — жила решимость. Неукротимое желание вырваться из этой золотой клетки, сбросить оковы лжи и фальши, вернуть себе право быть собой.

Иногда, по ночам, лёжа на жесткой койке под безликим потолком, она закрывала глаза и представляла себе другой мир — мир, где можно смеяться без страха, говорить без оглядки, любить без принуждения. Мир, где её не оценивают, не выбирают, не программируют. И с каждым таким сном её решимость крепла. Она знала: если останется здесь — исчезнет. Растворится в этой стерильной тишине, как растворялись другие, чьи глаза уже давно не отражали ничего, кроме покорности.

Но она не была одной из них. Она не станет.

И вот он настал День Выбора.

С самого утра Дом наполнился странной, гулкой тишиной, в которой чувствовалось напряжение, как перед грозой. Воздух стал плотнее, насыщеннее, словно сам мир затаил дыхание в ожидании. Стены, обычно безмолвные, начали мерцать мягким золотистым светом, а пол под ногами Алены отозвался лёгкой вибрацией, как будто пробуждался от долгого сна.

Её вывели из комнаты рано, не дав времени на раздумья. Две женщины в одинаковых серебристых комбинезонах — безликие, с застывшими лицами и пустыми глазами — молча сопровождали её по длинному коридору, стены которого переливались, как жидкий металл. Алена шла, чувствуя, как с каждым шагом сердце стучит всё громче, а в горле поднимается горький комок. Она не знала, куда её ведут, но знала — назад пути нет.

Они вошли в огромный зал, который напоминал одновременно храм и арену. Потолок терялся в высоте, а стены были украшены голографическими проекциями — текучими, живыми картинами, изображающими женщин в белых одеждах, окружённых мужчинами, преклоняющими колени. Всё здесь было выстроено так, чтобы внушать: это священо, это правильно, это — закон.

В центре зала возвышалась круглая платформа, окружённая полукругом из прозрачных кресел, в которых уже сидели мужчины. Их было пятеро. Каждый — в парадной форме, каждый — с лицом, словно высеченным из камня. Они не разговаривали между собой, лишь изредка бросали взгляды на платформу, где вскоре должна была появиться она.

Алена почувствовала, как её подталкивают вперёд. Она ступила на платформу, и в тот же миг свет в зале изменился — стал ярче, теплее, словно сам Дом приветствовал её. Над ней вспыхнул купол из света, и голос, тот самый — женский, холодный, бездушный — разнёсся по залу, эхом отражаясь от стен:

— Сегодня, в соответствии с Законом Сохранения Женской Линии, мы проводим Церемонию Выбора. Женщина, прибывшая из прошлого, признана генетически ценным носителем и имеет право на выбор до пяти мужей. Претенденты отобраны Советом по совместимости. Их имена и заслуги будут озвучены.

Голограммы вспыхнули над каждым из мужчин. Один — учёный с титулами и наградами, другой — пилот дальнего флота, третий — дипломат, четвёртый — инженер-архитектор. И пятый... Командор Рейлан Торн.

Когда его имя прозвучало, зал будто замер. Его голограмма была иной — не просто портрет, а сцена: он в боевых доспехах, стоящий на фоне пылающей планеты, с мечом в руке и взглядом, устремлённым в вечность. Его лицо было суровым, властным, и в нём не было ни капли сомнения. Он не смотрел на неё — он смотрел сквозь неё, как на уже завоёванную территорию.

— Командор Торн, — продолжал голос, — герой Тарийской кампании, кавалер Ордена Единства, командующий флотилией «Скорпион». Добровольно заявил о желании участвовать в Выборе. На основании его статуса и заслуг, ему предоставлено право на личную встречу с объектом выбора до начала церемонии.

Алена стояла, как вкопанная. Всё внутри неё кричало: «Беги!» Но ноги не слушались. Она чувствовала, как взгляды претендентов прожигают её насквозь, как стены зала сжимаются, превращая её в пленницу. Это не был выбор. Это был приговор, обёрнутый в золото.

Свет погас, и зал вновь погрузился в полумрак. Алена стояла на платформе, одна, под куполом, который медленно растворялся в воздухе. В груди стучало сердце, в голове пульсировала мысль: «Я не позволю им решить за меня. Никому».

Через два часа после объявления началаа выбора ее вызвали. Она вошла в просторную комнату, где уже ждал он — высокий, надменный, с глазами цвета арктического льда, способными, казалось, проникнуть в самую душу. Хищная улыбка тронула его губы, не суля ничего хорошего. Он смотрел на нее не как на равную, не как на живого человека, а как на добычу, трофей, который можно завоевать и присвоить.

— Ты будешь моей, — произнес он, не спрашивая, а утверждая, как непреложный закон.

Внутри Алены что-то сломалось, и в то же мгновение — закалилось. Она не позволит, чтобы ее судьбу решали за нее, чтобы ее лишили права на свободу и волю.

И в этот момент она поняла — бежать нужно сегодня. Сейчас. Иначе будет слишком поздно.

Ночью, когда охрана ослабила бдительность, и коридоры Дома Выбора наполнились лишь шорохом собственных шагов, Алена решилась на отчаянный шаг. Сердце стучало так громко, что казалось — его услышат даже стены. Она тихо вошла в одну из комнат технического персонала, где на полу небрежно валялась форма младшего техника — простая, сшитая из мягкой ткани, без всяких отличительных знаков, которые могли бы привлечь внимание. Рука дрожала, когда она надела её, чувствуя, как чужая одежда сковывает движения, но одновременно дарит возможность слиться с толпой.

Перед зеркалом она взяла острый нож, который нашла на столе, и, затаив дыхание, начала обрезать свои светлые волосы. Пряди падали на пол, словно золотые змеи, рассыпаясь вокруг, обнажая новое лицо — более суровое, решительное, словно высеченное из камня. В отражении она увидела не пленницу, а воительницу, готовую бороться за свою судьбу.

Сердце бешено колотилось, когда она кралась по бесконечным коридорам, прячась в тенях от всевидящих глаз охранных дронов, которые беспристрастно сканировали пространство. Каждый шаг был пропитан страхом и надеждой, каждое дыхание — вызовом судьбе. Она не знала, куда летит этот корабль, в чьем трюме она нашла убежище, не знала, кто на борту и что её ждёт впереди. Но одно было ясно: лучше быть беглянкой в незнакомом, враждебном мире, чем безвольной игрушкой в чужих руках.

Проходя мимо камер наблюдения, она ловила мельчайшие изменения в их движениях, стараясь оставаться вне зоны видимости. Тени коридоров становились её союзниками, а тишина — защитой. В одном из грузовых отсеков, среди ящиков и контейнеров, она сжалась в темноте, впервые за долгое время ощутив пьянящий вкус свободы — свободы, которая была дороже самой жизни.

В глубине души Алена знала: этот корабль — не просто спасение. Это врата в новую жизнь, где её ждут испытания и открытия, где она встретит настоящую любовь, возможно, даже не одну. И хотя путь впереди был полон неизвестности, в её сердце уже горел огонь решимости — огонь, который не позволил бы ей сдаться.

Алена сидела, прижавшись спиной к холодной стене грузового отсека, между двумя массивными контейнерами, пахнущими металлом и машинным маслом. Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь глухим гудением двигателей корабля, уходящего в гиперпространство. Она чувствовала, как напряжение медленно уходит из мышц, как дыхание становится ровнее, а сердце — тише. Всё получилось. Она сбежала. Она вырвалась.

Пальцы дрожали, но уже не от страха — от облегчения. Она провела рукой по коротким, неровно обрезанным волосам, чувствуя, как с каждым движением исчезает прежняя Алена —

та, что стояла на платформе под куполом света, та, что была объектом выбора. Теперь она была другой. Свободной. Живой.

Она закрыла глаза, позволив себе на мгновение расслабиться. Впервые за всё это время она почувствовала вкус воздуха — не стерильного, не отфильтрованного, а настоящего, пусть и пропитанного машинным жаром. Где-то в глубине отсека мигал тусклый аварийный огонёк, отбрасывая на стены длинные, дрожащие тени. Всё казалось нереальным, как сон, но это был её сон. Её выбор.

И вдруг — резкий звук.

Щелчок. Металлический, короткий, как сработавший замок. Он раздался где-то за спиной, в глубине отсека, и эхом прокатился по стенам. Алена вздрогнула, глаза распахнулись. Она резко обернулась, сердце вновь сорвалось в бешеный галоп.

Глава 2. Тени прошлого и новые надежды

Алена стояла неподвижно, сердце колотилось, словно барабан, эхом отдаваясь в тишине грузового отсека. Перед ней стоял странный зверек.

Он был невелик — примерно с ладонь, с пушистым, мягким мехом, переливающимся оттенками серого и серебристого. Большие, выразительные глаза блестели в полумраке, отражая тусклый свет аварийного огонька, словно два крошечных фонаря. Уши зверька были острыми и подвижными, постоянно вращались, улавливая малейшие звуки.

Зверёк осторожно выглянул из-за контейнера, словно проверяя, безопасно ли вокруг. Его маленький носик дрожал, а хвост — длинный и пушистый — медленно покачивался из стороны в сторону. Он издавал тихий, едва слышный писк, который, несмотря на напряжённость момента, показался Алене удивительно нежным и живым.

На мгновение их взгляды встретились — и в этом маленьком существе Алена почувствовала странное тепло, проблеск надежды и дружбы в этом холодном, чуждом мире. Зверёк словно понимал её страх и одиночество, и его присутствие напомнило ей, что жизнь всё ещё существует, даже здесь, среди стали и теней.

И прежде чем она успела моргнуть, зверёк резво скрылся обратно в темноту, оставив после себя легкий шорох и ощущение, что она не совсем одна.

Корабль гудел и вибрировал, когда Алена пряталась в темном трюме. Её дыхание было прерывистым, сердце билось так громко, что казалось, будто его слышат все вокруг. Она не знала, куда направляется этот корабль, но каждый километр отдалял её от той жизни, которую она пыталась забыть — от безжалостного Дома Выбора, от жестоких правил и принуждений, которые сковывали её свободу.

Темнота трюма казалась бесконечной, холодная сталь стен давила на плечи, но Алена упорно держалась. Она знала: если её найдут, всё закончится. Её мысли металась между страхом и надеждой, между прошлым и будущим, которое ещё не было написано.

Внезапно кто-то приблизился. Тонкие шаги, приглушённые резиновым покрытием пола, звучали словно эхо в пустоте. Алена затаила дыхание, прижимаясь к холодной стене, стараясь стать невидимой. Свет фонаря пробежал мимо, но не остановился у трюма. Она почувствовала, как кровь застыла в жилах.

— Кто там? — прозвучал мужской голос, ровный и спокойный, без оттенка угрозы, но настороженный.

Она не ответила. Сердце застучало ещё быстрее, словно пытаясь вырваться из груди.

— Похоже, у нас в гостях, — прошептал голос, и шаги удалились, оставляя после себя лёгкий шум и слабое чувство тревоги.

Алена выдохнула с облегчением, но знала — это только начало. Её путь был ещё долгим, и она должна была найти способ понять, куда попала, и как выжить в этом новом, чуждом мире.

На следующий день корабль начал сбавлять скорость. Гул двигателей стал тише, вибрация, пронизывавшая корпус, постепенно утихала. Алена, всё ещё прятаясь в тени трюма, почувствовала, как судно слегка качнуло — мягкий толчок, за которым последовал характерный металлический скрежет. Это был звук стыковки: корабль пристыковался к станции.

Снаружи послышались глухие удары — автоматические замки входного шлюза защёлкнулись, соединяя корабль с доком. Вентиляционные системы зашипели, выравнивая давление. Свет в коридорах стал ярче, и по внутренней связи раздался голос капитана:

— Стыковка завершена. Добро пожаловать на станцию «Орбис-9». Экипажу — подготовиться к разгрузке и проверке систем.

Алена замерла. Это был момент, которого она боялась и ждала одновременно. Она не знала, что ждёт её за пределами корабля, но оставаться в трюме было уже невозможно. Сердце колотилось, но она заставила себя подняться. Осторожно, стараясь не издавать ни звука, она выбралась из укрытия и двинулась по узкому техническому коридору, ведущему к основному отсеку.

Когда она добралась до шлюза, люк уже был открыт. За ним виднелся широкий переходной тоннель, ведущий к станции. Внутри корабля, в основном отсеке, собрались люди — экипаж. Алена остановилась в тени, прижавшись к стене, и стала наблюдать.

Они были разными. Один — коренастый мужчина с седыми висками и механическим протезом вместо левой руки. Его лицо было испещрено шрамами, но в глазах читалась усталость ветерана, повидавшего слишком многое. Он что-то бурчал себе под нос, проверяя ящики с оборудованием.

Рядом стояла женщина лет сорока, с коротко стриженными волосами цвета меди и татуировкой в виде звёздной карты, охватывающей шею. Она держала в руках планшет и быстро пролистывала данные, отдавая распоряжения остальным. Её голос был чётким, уверенным — она явно была старшим офицером.

Молодой парень с тёмной кожей и ярко-синими линзами в глазах — кибернетические импланты — смеялся, рассказывая что-то двум другим членам экипажа. Один из них — худощавый, с длинными пальцами и нервной улыбкой, — держал в руках дрон-ремонтник, а второй — женщина с азиатскими чертами лица и густыми чёрными волосами, заплетёнными в косу, — внимательно слушала, но не смеялась.

И среди них — он. Высокий, с тёплыми глазами цвета янтаря и доброй, немного усталой улыбкой. Его движения были спокойными, уверенными, но не властными. Он не командовал, не спешил — просто был рядом, помогал, говорил с другими, и в его присутствии чувствовалась надёжность. Он заметил Алену первым.

— Ты новенькая? — спросил он мягко, не делая резких движений, словно боялся спугнуть.

Алена вздрогнула, но не отступила. Она кивнула, не в силах пока вымолвить ни слова. Её руки дрожали, но она стояла прямо, не прячась.

— Меня зовут Клод, — продолжил он, подходя ближе, но оставляя между ними достаточно пространства. — Если хочешь, я помогу тебе разобраться. Здесь безопасно. Никто не причинит тебе вреда.

Алена посмотрела на него. В его глазах не было ни осуждения, ни подозрения — только искреннее участие. Она почувствовала, как напряжение в плечах немного ослабло. Впервые за долгое время она позволила себе поверить, что, возможно, здесь всё будет иначе.

Пока корабль медленно отстыковывался от станции и начинал свой путь вглубь космоса, Алена сидела рядом с Клодом в небольшом техническом отсеке, где было тихо и почти уютно. За иллюминатором проплывали звёзды — холодные, бесконечные, равнодушные к человеческим судьбам. Но здесь, в этом замкнутом пространстве, среди металлических стен и мягкого гудения систем жизнеобеспечения, она впервые за долгое время чувствовала, что может говорить.

Сначала слова давались ей с трудом. Она запинаясь, замолкала, сжимала пальцы в кулаки, будто борясь с невидимыми тенями прошлого. Но Клод не торопил. Он просто сидел рядом, иногда кивая, иногда задавая короткие, ненавязчивые вопросы. Его присутствие было как якорь — надёжный, спокойный, настоящий.

— Я не родилась в этом мире, — начала она наконец, глядя в пол. — Или, может, родилась, но не в том смысле, как другие. Я была выбрана. Или... В Доме Выбора нас не учили чувствовать. Нас учили подчиняться. Быть полезными. Быть нужными. Быть идеальными.

Она замолчала, и Клод не стал нарушать тишину. Он знал, что такие слова не даются легко.

— Командор Торн... — прошептала она, и голос её задрожал от воспоминаний. — Я никогда не забуду тот миг, когда впервые увидела его. Его присутствие было как холодный удар — мгновенный, пронизывающий до костей. Он был высоким и безжалостным, с глазами, в которых не было ни капли тепла, только тьма и холодный расчет. Я почувствовала настоящий страх, такой, какой раньше не знала — страх перед человеком, который мог разрушить всё вокруг одним взглядом. И он сказал, что я буду его... Как трофей, как вещь...

Клод сжал губы, но не перебил. Он видел, как её плечи дрожат, как она борется с воспоминаниями, которые, казалось, прожигают её изнутри.

— Я сбежала, — сказала она, наконец поднимая взгляд. — Я не знала, куда. Я просто бежала. Через пустые коридоры, через шлюзы, через страх. Я пряталась в грузовом отсеке, не зная, выживу ли. Но я не могла остаться. Я не могла позволить ему... забрать меня обратно.

Клод кивнул, и в его глазах не было ни жалости, ни страха — только уважение и тихая, глубокая боль за неё.

— Этот мир сложен, — сказал он, подбирая слова с осторожностью, как будто каждое из них было важно. — Здесь есть и свет, и тьма. И иногда именно в самых неожиданных местах рождается настоящая любовь и надежда.

Алена посмотрела на него. Его голос был тёплым, как солнечный луч, пробившийся сквозь облака. Но она не знала, во что верить. Её сердце было разбито, а разум — переполнен сомнениями. Всё, что она знала, — это боль, предательство и страх. Надежда казалась ей чем-то далёким, почти нереальным.

— Я не знаю, что мне делать, — прошептала она. — Я не знаю, что будет дальше. Я не знаю, смогу ли когда-нибудь снова доверять.

Клод мягко положил руку на её плечо — не навязчиво, не властно, а просто, как знак того, что он рядом.

— Ты не обязана знать всё сейчас, — сказал он. — Иногда достаточно просто сделать один шаг. А потом ещё один. И если ты позволишь, я буду рядом. Не чтобы вести тебя, а чтобы идти рядом. Пока ты не найдёшь свой путь.

Алена закрыла глаза. Внутри неё всё ещё бушевала буря, но в этом мгновении, в этой тишине, в этом голосе — она почувствовала что-то новое. Неуверенное, хрупкое, но живое. Как первый росток, пробившийся сквозь пепел.

Может быть, надежда действительно существует. Может быть, она начинается с того, что кто-то просто остаётся рядом.

Глава 3. Первые испытания

Дни на корабле текли, словно зачарованная река, унося Алену все дальше от холодных, бездушных стен Дома Выбора, от ледяного взгляда командора Торна, отпечатавшегося в памяти словно клеймо – символ страха и неволи. Здесь, в стальных венах коридоров, под умиротворяющую симфонию корабельных систем, робко пробивался сквозь броню отчаяния первый, хрупкий побег надежды.

Клод стал ее тихой гаванью в этом бурном море перемен. Его голос, мягкий, как бархатное прикосновение, искрящиеся юмором шутки и дар внимательно слушать, словно целительный бальзам, растворяли тревогу, что змеей вилась в глубине души. С первых дней на борту он стал ее проводником в этом новом, незнакомом мире, знакомил с утробой корабля, показывал потаенные отсеки и раскрывал секреты сложных систем жизнеобеспечения, навигации и защиты.

– Вот здесь, – говорил он, указывая на панель с мерцающими, словно звезды, индикаторами, – бьется сердце корабля – главный процессор, дирижер всех функций. Без него мы – лишь безжизненный кусок металла, затерянный в бесконечности космоса.

Он познакомил ее с командой – калейдоскопом личностей, каждый из которых принес на борт частицу своей судьбы и надежды. Лира, инженер с острым умом и лучезарной улыбкой, умела умирять даже самые капризные механизмы, словно нашептывая им заклинания на языке металла и проводов. Тарек, суровый пилот с глазами, в которых горел неугасимый огонь решимости, выводил корабль из самых смертельных объятий космоса. Мира, медик с сердцем, полным сострадания, и твердой рукой, одним прикосновением изгоняла боль и страх.

Коренастый Сом, специалист по безопасности и охране, ветеран бесчисленных сражений, с седыми висками и механическим протезом вместо левой руки, внушал уважение своей невозмутимостью и основательностью.

Ванесса, навигатор с волосами цвета меди и татуировкой звездной карты, оплетающей шею, представилась просто Ваной.

Молодой Поль, техник по кибернетике и ИИ, с темной кожей и пронзительно-синими линзами в глазах, оказался душой компании, веселым и азартным.

Его худощавый друг Жак, оператор дронов и роботов, словно был продолжением машин. А Тай, родом из Китая, была самым первым человеком на корабле и кормила эту разношерстную команду.

Молчаливый Ивор, второй пилот с голубыми, как небесная лазурь, глазами. Могучие братья Карл и Отто – надежная защита и опора команды.

Каждый из них принимал Алену как свою, не требуя откровений, но готовый в любую минуту подставить плечо. Клод показывал ей, как команда работает в идеальной гармонии, словно единый, живой организм, где каждый орган – незаменимая часть.

В этих знакомствах, в открытии нового мира, Алена начала чувствовать, что здесь, среди этих людей, под защитой этого корабля, она, возможно, найдет то, чего так отчаянно искала — свободу быть собой и шанс на новую жизнь.

Однажды на космическом корабле разыгралась комичная сценка, навсегда врезавшаяся в память экипажа и озарившая сердце Алены светом беззаботного смеха.

Все началось с безобидной затеи Поля, гения кибернетики и ИИ, решившего испытать новейшую программу для дронов-уборщиков. Эти юркие летающие создания были призваны избавить команду от монотонной уборки в отсеках звездолета. С горящими от предвкушения глазами Поль загрузил экспериментальный код и выпустил жужжащий рой в главный коридор.

Но что-то пошло не по плану. Вместо того, чтобы усердно собирать пыль и крошки, дроны пустились в развеселую погоню друг за другом, оглашая пространство забавным писком и щебетом, словно устроив «дроний карнавал». Один из них дерзко попытался завладеть шлемом, беспечно оставленным на полу Ивором, вторым пилотом. Другой, словно одержимый танцевальным вихрем, завертелся вокруг ног Карла и Отто, едва не сбив их с ног.

Лира, инженер, не удержалась от звонкого хохота: «Похоже, наши уборщики решили закатить вечеринку, пока капитан не видит!»

Мира, корабельный медик, с умоляющим взглядом пыталась отговорить назойливого дрона от навязчивого кружения вокруг себя, опасаясь вызвать у кого-нибудь из членов экипажа приступ головокружения.

Клод, наблюдая за этим невообразимым хаосом, промолвил с широкой улыбкой: «Что ж, по крайней мере, теперь у нас есть свой собственный танцевальный ансамбль!»

Алена, впервые ощутив себя частью этой эксцентричной семьи, от души смеялась вместе со всеми, чувствуя, как лед отчуждения и страха постепенно тает в лучах всеобщего веселья.

В итоге Поль быстро усмирил взбунтовавшиеся машины, вернув их к выполнению прямых обязанностей, но этот курьезный случай стал любимой байкой экипажа — ярким напоминанием о том, что даже в бескрайних просторах космоса всегда найдется место для радости, легкости и искреннего смеха.

Алена постепенно успокоилась и выдохнула...

Но покой этот был хрупок, словно лед под весенним солнцем — тишина, предвещающая бурю.

Однажды вечером, когда корабль плавно входил в орбиту загадочной планеты, чье лицо скрывалось за плотной пеленой облаков, пронзительный вой сирены разорвал привычную тишину мостика. Тревога ворвалась в каждый отсек, заставляя сердца экипажа биться в лихорадочном ритме.

— Неопознанный сигнал! Приближается! — выкрикнул офицер, его глаза метали молнии напряжения.

Алена и Клод, плечом к плечу, вглядывались в мерцающие огни голографической карты, где каждый отблеск мог таить смертельную опасность.

— Это... разведывательный дрон Адмиральского Флота, покровителей Дома Выбора, — прошептал Клод, и в голосе его прозвучала сталь.

Сердце Алены болезненно сжалось в тисках ужаса. Они нашли ее. Те, от кого она бежала, словно от наваждения, вновь настигли ее, подобно теням из прошлого, от которых невозможно избавиться.

— Что нам делать? — прошептала она, чувствуя, как страх сковывает движения, как ледяная волна захлестывает тело.

Глава 4 Узы, закалённые звёздами

— Мы не должны позволить им узнать, что ты здесь, — ответил Клод, не отрывая взгляда от экрана. — У меня есть план.

Он быстро обрисовал план – использование системы маскировки, новейшей технологии, позволяющей кораблю раствориться в плотных облаках планеты, стать невидимкой для внешних сканеров. Алена слушала, жадно ловя каждое слово, отбрасывая страх, погружаясь в работу, в каждый шаг, в каждую команду. Пальцы дрожали, но она не позволяла себе показать это.

Когда дрон проскользнул мимо, не заметив их, Алена впервые за долгое время ощутила вкус настоящей победы – терпкий и сладостный одновременно. Сердце колотилось, как птица в клетке, но в груди зажглась искра надежды.

— Спасибо, — прошептала она, глядя на Клода, и в голосе ее звучала неподдельная благодарность.

— Мы еще далеко не в безопасности, — ответил он, сдержанно улыбаясь, но в глазах его горела решимость. — Но вместе мы сильнее. Вместе мы пройдем через все.

В ту ночь, лежа на койке и глядя на бездонное звездное небо сквозь иллюминатор, Алена поняла, что ее путь только начинается. В этом бескрайнем и холодном космосе, где любовь – это выбор, а свобода – непрестанная борьба, она готова сражаться за свое счастье, за право быть собой.

Минули недели скитаний, с тех пор как Алена и Клод, словно тени, скользили сквозь пелену неизведанных галактик на борту корабля «Странник». Их связь, сотканная из доверия и молчаливого понимания, крепла с каждым восходом и закатом далёких солнц. Они научились читать мысли друг друга по едва уловимым жестам, по взглядам, по тому, как затихало дыхание в опасные мгновения.

Но тишина космоса обманчива.

Во время короткой передышки на торговой станции «Крест Центавра», где команда пополняла иссякающие запасы провизии и топлива, тень прошлого вновь настигла Алену. Она почувствовала её ещё до того, как услышала предостережение — холодный укол в спину, будто чей-то взгляд прожигал её насквозь.

— *Будь осторожна*, — прозвучал хриплый шёпот Клод, когда они спешили обратно на борт, озираясь на шумную толпу торговцев и наёмников. Его пальцы сжали её запястье, оставляя на коже следы от заржавевших колец. — *Командор Торн не знает пощады. Его жажда мести не знает границ, и он отправит за тобой даже саму смерть.*

Алена хотела рассмеяться, но смех застрял в горле. Она знала, что Клод не преувеличивает. Торн не прощал предательства.

И словно в подтверждение его слов, на корабле появился новый член экипажа — Лиан, пилот с загадочным взглядом и обманчивой харизмой. Он прибыл с очередным грузом, представившись нанятым специалистом по гиперпрыжкам, но что-то в его спокойной улыбке заставляло Алену напрягаться.

Его присутствие обволакивало её двойственным чувством: с одной стороны — робкая надежда на поддержку, ведь он явно был не из тех, кто слепо следует приказам. С другой

— леденящий страх, потому что его глаза, тёмные и не отражающие света, словно видели её насквозь.

— *Добро пожаловать на борт,* — сухо сказал Клод, изучая Лиана с холодной отстранённостью.

— *Рад быть полезным,* — ответил тот, и его голос звучал слишком гладко, словно отретпетированная ложь.

Алена сжала кулаки. Он что-то скрывает. И если она права, то «Странник» уже не был безопасным убежищем.

В омутax тёмных глаз Лиана плескались невысказанные истории, а улыбка, лучистая и в то же время исполненная тайны, заставляла сердце биться чаще.

С первых же дней он показал себя виртуозом — его руки на штурвале двигались с хищной грацией, а в моменты опасности его голос оставался спокойным, словно ледяная гладь космической бездны. Когда «Странник» чудом увернулся от гравитационной ловушки возле нейтронной звезды, даже скептически настроенный Клод кивнул ему с едва заметным уважением.

Алена наблюдала за ним украдкой, чувствуя, как в душе пробуждается нечто доселе неведомое — причудливая смесь любопытства и робкой тревоги. Она ловила себя на том, что ищет его взгляд в командном отсеке, прислушивается к его шагам в коридорах корабля.

Клод, казалось, уловил дуновение перемен. Его зоркие глаза, привыкшие читать людей как открытые книги, задерживались на ней чуть дольше обычного. Но он хранил молчание, лишь одаривая её ласковой, почти отеческой улыбкой при случайной встрече взглядов.

Однажды, когда «Странник» дрейфовал в густой тени исполинской планеты-гиганта, окутанной клубящимися облаками, Алена и Лиан оказались наедине в тесном отсеке отдыха. За иллюминатором медленно проплывали вихри аммиачных бурь, окрашенные в багровые и лиловые тона.

— *Красиво, не правда ли?* — тихо сказал Лиан, наблюдая, как отблески света играют на её лице.

— *Как будто вселенная решила напомнить, что даже в хаосе есть гармония,* — ответила она, и слова сорвались с губ неожиданно легко.

Разговор потек сам собой — сначала о звёздах и маршрутах, потом о прошлом. Лиан рассказал, как сбежал с родной планеты, где его хотели сделать пешкой в чужой игре.

— *Они называли это долгом. Но долг не должен лишать человека выбора,* — его голос стал жёстче, пальцы сжали кружку с почти остывшим кофе.

Алена почувствовала родственную душу. Она тоже знала цену свободе.

— *Ты не одинока,* — прошептал он внезапно, глядя ей прямо в глаза. — *Здесь, в бескрайних просторах, мы вольны быть теми, кем всегда мечтали.*

Вскоре к ним присоединился Клод. Сначала он стоял в дверях, словно колеблясь, но затем шагнул внутрь, приняв незримое приглашение.

— *Вы слишком серьёзны для такой ночи,* — сказал он, и в его обычно холодных глазах мелькнула искра тепла.

Лиан улыбнулся, подвинулся, освобождая место.

— *А какая ночь требует лёгкости?*

И тогда что-то изменилось. Разговор пошёл о мечтах, о том, что значит быть собой в мире, где каждый хочет тебя переделать. Клод, обычно скупой на слова, говорил о своём детстве на затерянной колонии, где небо было всегда покрыто пеплом. Лиан признался, что когда-то боялся не найти тех, кто поймёт. Алена молча слушала, чувствуя, как границы между ними растворяются.

В эту ночь, под мерцающим светом далёких звёзд, они начали писать новую главу — не только своего путешествия, но и самих себя.

Но ... Что то было не так...

Глава 5. Тени прошлого

Тишина на борту «Странника» давила, словно предгрозовая.

Алена, словно тень, застыла в полумраке каюты, прильнув ладонью к ледяному стеклу иллюминатора. За ним, в бездонной черноте, мерцали равнодушные звёзды — холодные, как осколки разбитого зеркала, в котором она больше не узнавала себя.

Внешне — штиль. Но внутри, в самой глубине души, зрело тревожное предчувствие, разъедающее, как кислота.

Лиан...

Он был окутан непроницаемой дымкой тайны.

Слишком ловок. Слишком... уместен. Каждое его движение — отточено. Каждое слово — взвешено. Даже его улыбка, такая тёплая, казалась рассчитанной, словно перед ней разыгрывали сложную партию, а он — лишь искусно загримированный актёр.

Но в чьей пьесе?

Командора Торна? Или кого-то похуже?

Алена сжала кулаки, чувствуя, как когти сомнений впиваются в сердце.

И всё же...

Когда он рядом, ей так хорошо.

Когда их пальцы случайно соприкасаются за общим столом — кровь стучит в висках.

Когда он смотрит на неё в редкие моменты беззаботности — мир кажется проще.

Как такое может быть обманом?

Или...

Как такое может *не* быть обманом?

Она закрыла глаза, представляя его лицо: тёплые морщинки у глаз, когда он смеётся, лёгкую небритость, тень сомнения, мелькающую в его взгляде, когда он думает, что никто не видит.

Разве так выглядит предатель?

Или именно так он и должен выглядеть?

Дверь за спиной бесшумно приоткрылась, словно её коснулось дыхание ночи.

Алена не обернулась. Она знала эти лёгкие, почти неслышные шаги.

— *Не спится?* — Клод вошёл, скрестив руки на груди, словно воздвигая невидимый барьер между ними. В его тёмных глазах плескалось беспокойство, но в них читалось и нечто большее — готовность к бою.

— *Не могу,* — Алена отвернулась от иллюминатора, скрывая смятение. Звёзды за стеклом внезапно показались ей свидетелями, холодными и равнодушными. — *Что-то не так... что-то гложет.*

Тишина повисла между ними, густая, как космическая пыль.

— *Лиан?*

Она вздрогнула, словно от удара током. Он тоже чувствует фальшь.

— *Ты заметил, как он избегает вопросов о прошлом?* — её голос звучал шёпотом заговорщика. — *Как взгляд его тускнеет, превращаясь в безжизненную пустыню, когда речь заходит о Доме Выбора?*

Клод медленно, задумчиво кивнул.

— *Да. И ещё кое-что.*

Он сделал шаг вперёд, и свет от панели управления очертил его профиль резкими тенями.

— *Вчера, под покровом ночи, я просматривал навигационные журналы. Он вносил коррективы в курс. Незаметно, но уверенно.*

По позвоночнику Алены пробежала ледяная дрожь.

— *Куда он нас ведёт? В чьи сети?* — её шёпот был едва слышен, но каждое слово резало воздух, как нож.

— *Не знаю. Но если он — марионетка Торна...*

Он не успел закончить.

В коридоре зашелестели шаги.

Тихие... Осторожные... Предательские...

Алена замерла, превратившись в статую. Даже дыхание застряло в груди. Клод мгновенно поднял руку, требуя молчания. Его глаза сузились, ловя каждый звук.

Тишина сгустилась, став почти осязаемой.

Шаги замерли у самой двери её каюты.

Сердце колотилось в груди, как пойманная в клетку птица, заглушая все остальные звуки. Казалось, его бешеная дробь разносится эхом по всему кораблю, предательски выдавая их укрытие.

Едва слышный шелчок – словно ломается хрупкая тишина. Дверь медленно, с мучительным скрипом приоткрылась, являя ночного гостя.

В дверном проёме стоял Лиан.

Но это был не тот Лиан, которого они знали.

Его лицо, обычно безмятежное и открытое, сейчас было напряжено до предела, словно натянутая струна. В глазах – непривычная жёсткость, а в руке он сжимал компактный голопроектор, словно оружие.

— *Вы оба здесь. Это хорошо.* — Его голос звучал чуждо, без привычных ноток лёгкости и беззаботности. — *Нам нужно поговорить... откровенно.*

Клод шагнул вперёд, словно лев, заслоняя Алену от опасности. Его тело напряглось, готовое в любой миг ринуться в бой.

— *Кто ты на самом деле?* — его голос звучал, как скрежет стали. — *С какой целью играешь свою роль?*

Лиан медленно поднял проектор. Нажал кнопку.

Воздух вздрогнул, и кабину заполнило зловещее голографическое сияние.

Перед ними материализовался корабль – огромный, чёрный, словно выкованный из самой тьмы. Его борта, покрытые шрамами бесчисленных битв, несли алые, кровоточащие знаки Адмиральского Флота – символы, которые Алена узнала бы даже во тьме.

Торн...

Её сердце упало в бездну.

— *Они уже близко,* — прошептал Лиан, словно выдавливая слова из самой глубины души. — *И я... я не ваш враг.*

Клод не дрогнул. Его бластер по-прежнему был направлен в грудь Лиана.

— *Докажи,* — прошипел он, и в его глазах горел холодный огонь.

Лиан глубоко вдохнул, собираясь с силами.

— *Я не его шпион.* — Его голос дрогнул, но не от страха. От ярости. — *Я... беглец. Как и она.* Мы оба – тени, бегущие от света Торна.

Он посмотрел прямо в глаза Алене, пронзая её взгляд словно кинжалом.

— *Торн... он забрал мою сестру.* — Его голос раскололся, обнажая кровавую рану, которая никогда не заживёт. — *Я пытался её спасти... вырвать из его лап. Но я не успел.*

В его глазах стояла неподдельная, обжигающая боль, в которой можно было утонуть.

— *Он превратил её в никкуда.* — Лиан сжал кулаки, его ногти впились в ладони, но он, казалось, не чувствовал боли. — *В пустую оболочку, лишённую воли и души. И когда я понял, что следующая – ты...*

Алена резко, судорожно вдохнула, осознавая весь ужас ситуации.

— *Ты... предупреждал нас... играл на опережение.*

Лиан слабо кивнул, его губы дрогнули в горькой полуулыбке.

— *Они будут здесь через шесть часов. У нас нет времени. Нам нужно бежать... исчезнуть.*

Клод сжал кулаки, словно собираясь броситься в бой. Его тень, искажённая аварийным освещением, гигантской грозной фигурой легла на стену.

— *Куда? Где мы можем укрыться?* — его голос гремел, как удар молота по наковальне.

Лиан медленно поднял голову. В его глазах вспыхнул огонь – не страх, а решимость.

— *Есть место... за пределами его досягаемости.* — Он коснулся навигационной панели, и звёздная карта взорвалась голубым светом, вырисовывая путь в никуда. — *Где он не найдёт нас.*

— *Где?! Говори!*

Лиан скривился в подобии улыбки – впервые за долгое время искренней и живой.

— *Граница Изгнанников. Последний рубеж свободы.*

За иллюминатором, в бескрайней, холодной пустоте космоса, робко вспыхнул далёкий огонёк – одинокая звезда на краю Ничто.

Они уже приближались...

Глава 6. Бегство

«Странник» рванул вперёд, словно раненый зверь, пытающийся оторваться от преследующей его стаи. Корпус скрипел и стонал под чудовищными перегрузками, а гипердвигатели были пронзительным воем, будто предчувствуя скорый конец.

Алена вцепилась побелевшими пальцами в кресло на мостике, её ногти впились в обивку, оставляя на ней четкие борозды. Каждый мускул в теле напрягся до предела, когда корабль содрогнулся от близкого разрыва плазменного заряда.

На мерцающих экранах позади Лиана с бешеной скоростью мелькали тревожные данные, складываясь в роковую картину:

— *Два крейсера типа "Палач"!* — крикнул Лиан, его голос перекрыл вой сирен. — *Дистанция сокращается критически быстро!*

Клод стоял у штурвала, вцепившись в него мертвой хваткой. Его пальцы побелели от напряжения, словно вросли в металл. Лицо, обычно непроницаемое как броня, сейчас было искажено гримасой ярости и отчаяния – каждый мускул напрягся, как натянутая струна, готовая лопнуть.

— *Гипердвигатель? Сколько ещё?* — его голос прорвался сквозь скрежет аварийных систем, резкий и хриплый.

Лиан, пригнувшись к панели управления, быстро пробежал глазами по мигающим показателям:

— *Заряжается... мучительно медленно. Осталось три минуты.*

— *У нас нет этих трёх минут!* — Клод ударил кулаком по панели, оставляя вмятину на металле. — *Они нас настигнут!*

Алена в панике взглянула на сканер. Там, среди мерцающих значков, две зловещие красные точки неумолимо приближались, словно хищники, учуявшие добычу.

— *Они открыли огонь!*

Корабль вздрогнул от мощного удара, содрогаясь всем корпусом. Где-то внизу, в глубине его утробы, раздался оглушительный взрыв, сотрясая все внутренности. Погас свет, оставив лишь аварийное освещение, бросающее кроваво-красные блики на их лица.

— *Щиты на 60%!* — прокричала Вана из инженерного отсека, её голос прерывался от помех. — *Они не выдержат долго!*

Лиан резко дёрнул рычаги управления, словно играя со смертью. Его пальцы сжимали рукоятки так крепко, что суставы побелели, а в глазах горела холодная решимость. «Странник», его верный, израненный корабль, вздрогнул всем корпусом, послушно откликаясь на команды.

— Чёрт возьми! — сквозь стиснутые зубы вырвалось у него, когда очередной залп плазменных зарядов пронзил пространство в считанных метрах от обшивки.

Корабль, подобно безумной бабочке, метнулся влево, едва уворачиваясь от смертоносного луча. Перегрузка вдавила Лиана в кресло, но он даже не моргнул, продолжая с безумной точностью выписывать немыслимые виражи. За его спиной трещали перегруженные системы, а в наушниках то и дело раздавались тревожные сигналы.

— Ещё немного... нужно продержаться... — прошептал он, больше себе, чем бортовому компьютеру.

Где-то там, в крошечной тьме космоса, их ждал «Гиперион» — последний шанс на спасение. Но прежде чем до него добраться, предстояло пережить этот ад.

Внезапно экран вспыхнул.

Яркий, почти слепящий свет пронзил тьму, заставив Лиана на мгновение зажмуриться.

— Гипердвигатель готов! — донёсся голос механика, заглушаемый рёвом силовых установок.

Лиан не раздумывал ни секунды.
— Прыжок! Сейчас или никогда!
Его рука рванула рычаг активации.
И вселенная взорвалась.

Звёзды, ещё мгновение назад холодные и далёкие, растянулись в длинные, светящиеся полосы, словно нити мироздания, разрывающиеся в клочья. Время потеряло смысл — секунда стала вечностью, а вечность сжалась в одно мгновение.

Корабль содрогался, металл стонал, а Лиан чувствовал, как сама реальность распадается на части, уступая место чему-то невообразимому.

И тогда мир вокруг взорвался ослепительным светом.

Когда Алёна открыла глаза, её оглушала звенящая тишина — густая, почти осязаемая, словно вакуум втянул в себя все звуки вселенной. Голова гудела от остаточного гиперпрыжка, в висках стучало, а в ушах стоял высокий, пронзительный звон, будто кто-то ударил по хрустальному колоколу.

Она медленно поднялась с кресла, её пальцы впились в подлокотники, будто проверяя, реальность ли это или предсмертный бред.

Клод стоял у мерцающего экрана, его обычно насмешливый взгляд был пуст, лицо — бледное, как полотно. Он смотрел на данные сканеров, словно не веря собственным глазам.

— Мы... мы живы? — его голос дрогнул. — Это не может быть правдой...

Лиан медленно, с облегчением кивнул. Его ладонь легла на панель управления, будто он благодарил «Странника» за то, что тот снова вынес их из ада.

— Граница Изгнанников, — произнёс он тихо, с каким-то почти религиозным трепетом. — Добро пожаловать в нигде.

Потом повернулся к ним, и в его глазах, впервые за долгие месяцы, не было ни страха, ни гнева.

— Здесь заканчивается власть Торна.

Алёна подошла к иллюминатору.

И застыла.

За стеклом плыла туманность — огромная, бескрайняя, фиолетовая, как синяк на теле вселенной. Она переливалась, мерцала, словно забытый сон, сотканный из звёздной пыли и надежды. Где-то в её глубине рождались и умирали звёзды, а свет, который они испускали, шёл к ним тысячи лет — и вот теперь, наконец, достиг.

И вдруг она почувствовала, как что-то ледяное, что годами сковывало её душу, медленно разжимается.

Как будто огромная рука, державшая её за горло, наконец отпустила.

Она сделала глубокий вдох — первый по-настоящему свободный вдох за долгие годы.

И тихо прошептала:

— Мы сбежали.

Но на лице Лиана не было и тени улыбки. Его черты, обычно такие уверенные, сейчас казались высеченными из камня — резкие, напряжённые. В глазах, отражавших мерцание туманности, плескалась тревога, глубокая и неистребимая, словно он уже видел то, что другим ещё только предстояло узнать.

— Они всё равно найдут нас. — Его голос был низким, почти беззвучным, но каждое слово падало, как камень. — Рано или поздно. Он никогда не сдаётся.

Тень прошлого накрыла кабину, и на мгновение даже воздух стал гуще, тяжелее.

Клод посмотрел на него с решимостью, в которой не было ни капли страха. Его пальцы сжались в кулаки, но не от злости — от непоколебимой уверенности, той самой, что заставляет людей идти вперёд, даже когда весь мир против них.

— Значит, мы будем готовы. — Он сделал шаг вперёд, и его глаза горели. — Мы встретим их лицом к лицу.

Их взгляды встретились, скрестившись в безмолвном обещании. Ни слов, ни клятв — только молчаливое понимание, что они уже сделали свой выбор. И назад дороги нет.

Алёна наблюдала за ними, и что-то внутри неё сжалось — но не от страха. Нет, это было предчувствие, осознание того, что самая важная битва ещё впереди.

Но теперь она не одна.

Она посмотрела в иллюминатор, где фиолетовая туманность медленно вращалась, словно огромное, загадочное око. Где-то там, в её глубинах, их ждали новые миры, новые опасности, новые враги.

И, возможно, настоящая свобода.

— Тогда мы не будем бежать, — тихо сказала она, поворачиваясь к ним. — Мы будем ждать.

Лиан наконец улыбнулся. Но это была не та улыбка, что бывает перед отдыхом.

Глава 7. Граница Изгнанников

Фиолетовая туманность за иллюминатором дышала, медленно расширяясь и сжимаясь, будто гигантское космическое существо. Её переливы напоминали пульсацию живого сердца — мощного, древнего, затерянного в бескрайних просторах. Алёна прижалась ладонью к ледяному стеклу, и холод проник в кожу, пробрался по венам, словно пытаясь заморозить тот страх, что змеей сжимал её сердце.

Они вырвались.

Они сбежали из цепких лап Торна, оставив позади его кровавый след во вселенной.

Но почему же тогда грудь сдавливает ледяной обруч тоски?

— Здесь нет ни проблеска маяка, — голос Ваны прозвучал приглушённо, словно её слова тонули в межзвёздной пустоте, не находя отклика. Она стояла у навигационного терминала, её пальцы бессильно скользили по экрану, не находя привычных сигналов. — Ни спутников, ни станций. Лишь... безмолвие.

Тишина.

Настоящая, глубокая, всепоглощающая.

Не та, что бывает перед бурей — а та, что царит после конца света.

Лиан фыркнул, скрестив руки на груди. Его поза была защитной, почти агрессивной, будто даже здесь, в этой пустоте, он ожидал удара в спину.

— Именно поэтому Торн сюда и не сунется, — отрезал он, и в его голосе звучала неуверенная уверенность, как у человека, который слишком часто врал сам себе. — Флотские обходят эти места стороной, как чумные кварталы.

— А чего им бояться? — Клод не отрывал взгляда от пляшущих огоньков на сканерах. Его голос выдавал нервное любопытство, смешанное с чем-то ещё... с предвкушением?

Лиан в ответ лишь криво усмехнулся, и в этой усмешке читалось больше, чем в любых словах. Его губы дрогнули, но глаза оставались ледяными — в них мерцало что-то древнее, опасное, словно он знал тайну, за которую вселенная требует плату.

— Легенды шепчут, что здесь корабли исчезают. — Он медленно провел пальцем по шраму на виске. — Растворяются в нигде. Бесследно.

Тишина на мостике сгустилась, стала почти осязаемой, давящей, как предгрозовая атмосфера. Даже привычный гул систем казался приглушенным, будто сам корабль затаил дыхание.

Алена резко обернулась, впиваясь взглядом в Лиана. Ее пальцы непроизвольно сжали рукоять бластера — старая привычка, от которой не избавиться.

— Ты специально завел нас сюда? — Ее голос дрогнул, но не от страха, а от ярости. — В эту ловушку?

Лиан не моргнул. Его глаза вспыхнули опасным огнем, тем самым, что когда-то заставил целые системы склонить головы.

— Я привел вас туда, где вас не найдут. — Он сделал шаг вперед, и тень от его фигуры легла на Алену, словно предупреждение. — Где вы сможете дышать свободно. Пауза. — По крайней мере, не сразу.

И в этот момент мир взорвался.

Какофония воплей разорвала тишину — сканеры сошли с ума, завывая, как раненые звери. Экраны вспыхнули кроваво-красным, отражаясь в широких зрачках команды.

— Контакты! — Клод вскочил с кресла, опрокидывая терминал. Его голос сорвался на крик. — Множество... Слишком много...

На экране, словно стая хищных птиц, вспыхнули десятки враждебных меток.

Но это были не корабли Флота. Это были не отполированные до блеска крейсера Торна. Это было нечто иное. Нечто, вселяющее первобытный ужас.

Они выползали из тумана, словно призраки минувших эпох — медленно, неотвратно, нарушая все законы физики. Это были корабли. Вернее, их тени.

Искореженные корпуса, изъеденные космической эрозией, с зияющими провалами в бортах, похожими на раны. Выцветшая краска облезала пластами, обнажая металл, покрытый странными узорами — будто что-то живое когда-то ползало по этим стенам. Некоторые корабли выглядели так, словно их разорвало изнутри — словно что-то вырвалось наружу, не оставив ни единого шанса экипажу.

— Корабли-призраки... — прошептала Вана, и в её голосе сквозило суеверное благоговение, смешанное с первобытным страхом. Её пальцы сжали амулет на шее — древний символ удачи, доставшийся от прабабки-космоходца.

Лиан стоял неподвижно, его лицо было бесстрастной маской, но в глазах горело что-то странное — узнавание?

— Это кладбище, — проговорил он, и его голос звучал непривычно глухо, словно доносился из глубины шахты. — Здесь находят свой конец те, о ком забыл мир. Те, кого выплюнула история.

Алёна почувствовала, как по спине пробежала дрожь — словно ледяные пальцы коснулись её кожи. Она инстинктивно оглянулась, но за ней была лишь пустота.

— Они... обитаемы? — её голос дрогнул. — Или это просто пустые оболочки?

Ответ пришёл сам.

Раздался скрипучий, жуткий скрежет — звук, от которого свело зубы. Словно ржавые петли открывали врата в преисподнюю.

Сигнал.

На коммуникационной панели вспыхнул индикатор — кто-то пытался выйти на связь.

Голос был искажён помехами, пропитан веками, словно пробивался сквозь толщу времени и пространства, ломаясь и скрипя, как давно забытая запись на изношенной плёнке:

— Вы... незваные... гости...

Клод, словно очнувшись от оцепенения, резко схватил микрофон. Его пальцы сжали металл так, что побелели костяшки:

— Мы не ищем конфликта. — В его голосе звучала натянутая твёрдость, как у человека, который знает, что лжёт, но отступить уже поздно. — Просто проходим мимо. Нам не нужно чужого.

Тишина.

Потом — хриплый, прерывистый смех, больше похожий на скрежет металла.

— Нет прохода... — прошипел голос. — Только вход... Обратного пути нет...

На экране один из кораблей-призраков медленно, с мучительным скрипом развернулся, обнажая свой израненный бок. Металл стонал, как живой, а из пробоин сочился странный, мерцающий туман, будто корабль истекал не кровью, а самой тьмой.

И тогда Алена увидела его.

На мостике разрушенного судна, за стеклом, испещрённым сетью трещин, стояла фигура, облачённая в рваный плащ, развевающийся, словно траурное знамя в невесомости.

Он смотрел прямо на них. Его взгляд прожигал, обжигал, словно прикосновение ледяного пламени.

Глава 8. Лик из прошлого

— Это... невозможно... — прошептал Лиан, и его голос разбился о тишину, как хрупкое стекло. Кровь отхлынула от его лица, оставив кожу мертвенно-бледной, почти прозрачной. В глазах — ужас узнавания, смешанный с чем-то ещё... с виной?

Алёна вцепилась в его руку, ногти впились в кожу, но он, казалось, даже не чувствовал боли.

— Ты знаешь его? — её голос дрожал, но не от страха, а от ярости, от потребности наконец получить правду.

Лиан медленно кивнул, словно каждое движение давалось ему с невероятным трудом.

— Это... капитан Эррик. — Он проглотил ком в горле. — Он пропал без вести десять лет назад. Считался погибшим.

Голос в динамиках вновь подал признаки жизни — заскрипел, зашипел, словно умирающий, пытающийся сделать последний вдох.

— Лиан... мальчик... — прошептал он, и в этом шёпоте было что-то ужасающе нечеловеческое. — Ты вернулся... Домой...

Клод резко обернулся к Лиану, его глаза полыхали — в них читалось недоумение, гнев, предательство.

— Что... что он имеет в виду? — он шагнул вперёд, сжимая кулаки. — Что между вами было?

Лиан не отвечал. Он стоял, словно парализованный, прикованный к экрану невидимыми цепями. Его глаза — широко распахнутые, неестественно блестящие — отражали мерцание приборов и что-то ещё... что-то, что нельзя было назвать просто страхом.

Фигура в плаще медленно подняла руку — движение было исполнено зловещей торжественности, словно древний жрец, начинающий запретный ритуал.

И вселенная взорвалась.

Приборы на мостике вспыхнули фонтаном искр, ослепительных, как молнии. Дым, едкий и густой, тут же заполнил пространство, застилал глаза, обжигая лёгкие.

— НАС ТЯНЕТ К НИМ! — Ваня закричала, и её голос сорвался на визг, полный неподдельного ужаса, того самого, что рвётся из горла, когда разум отказывается верить в происходящее.

"Странник" содрогнулся, забился в конвульсиях, будто живое существо, попавшее в капкан. Металл корпуса скрежетал, стонал, словно кости, ломающиеся под давлением невидимой, чудовищной силы.

Алёна потеряла равновесие.

Её тело швырнуло вперёд, плечо ударилось о панель управления с такой силой, что хруст раздался даже сквозь рёв аварийных сигналов. Боль — острая, жгучая — пронзила всё существо, но было уже не до неё.

Перед глазами поплыли чёрные пятна.

Воздух сгустился, стал тяжёлым, вязким, словно её лёгкие вдруг заполнились ртутью.

Последнее, что она увидела — лицо Клода, искажённое гримасой ужаса. Его рот был открыт в беззвучном крике, глаза — широкие, безумные — смотрели куда-то сквозь неё, в нечто, что было страшнее смерти.

Этот образ отпечатался в её памяти, словно клеймо.

Потом мир погас.

Она очнулась в кромешной тьме.

Не в той привычной темноте, что накрывает кабину ночью, а в абсолютной, густой, почти осязаемой черноте, словно кто-то вырвал её глаза и оставил в пустоте.

Холодный, шершавый металл под спиной.

Алёна попыталась пошевелиться — мышцы ответили тупой болью, будто её тело кто-то разобрал и собрал заново, кое-как. Пальцы скользнули по поверхности — липкой от чего-то, что она не хотела идентифицировать.

Вонь ржавчины и пролитого масла впитывалась в кожу, въедалась в лёгкие, прожигала ноздри. Но под ней чувствовалось что-то ещё — сладковатый, гнилостный душок, знакомый каждому, кто хоть раз видел разлагающееся в вакууме тело.

Запах смерти.

Запах запустения.

И голоса.

Они доносились откуда-то из глубины, приглушённые, шепчущиеся, словно крысы, скребущиеся в темноте.

— ...Значит, это она? Та самая?

Незнакомый голос проскрежетал в темноте, словно ржавая дверь на забытой космической станции. В нём слышалось что-то ненормальное — слишком хриплое, слишком... влажное, будто говорящий давно разучился пользоваться своими лёгкими.

— Да.

Это ответил Лиан, но его голос звучал совсем иначе — глухо, безжизненно, как у человека, который уже простился со всем.

— Торн охотится за ней не просто так.

Тьма перед Алёной вздрогнула, и вдруг что-то холодное провело по её щеке — грязный, облуленный ноготь, медленно скользящий по коже.

— Ты привёл их прямо к нам!

Новый голос взорвался в темноте, полный ярости и боли.

— Предал нас!

— У меня не было выбора!

Лиан закричал в ответ, но в его крике не было силы — только отчаяние, словно он и сам уже не верил в свои слова.

— Это был единственный способ!

Алёна попыталась пошевелиться, но грубая верёвка впилась в запястья, а всё тело ныло, будто её пропустили через дробилку.

Рядом кто-то застонал.

Клод.

Жив.

Это дарило слабую надежду — крошечную, как искра в крошечной тьме.

— Она просыпается...

Голос прополз по её сознанию, как ржавая игла по нервам. Шаги шаркали, приближаясь, и с каждым звуком воздух становился гуще, пропитываясь запахом гниющей плоти и застоявшегося страха.

Факел вспыхнул.

Тусклый, дрожащий свет вырвал из тьмы лицо — изъеденное временем, с кожей, напоминающей пергамент, растянутый над костями. Глубокий шрам рассекал левый глаз, превращая его в мёртвую, мутную жемчужину.

Капитан Эррик.

Живой.

Или то, что от него осталось.

Его губы растянулись в улыбке, обнажая почерневшие зубы, словно гнилые пни в высохшем рту.

— Добро пожаловать в настоящий Дом Изгнанников, девочка, — он шипел, как проколотый баллон с ядовитым газом. — В место, откуда нет выхода.

Его глаза — один живой, другой мёртвый — буравили её, впитывая её страх, её немой ужас. В них плясали огоньки — не света, а чего-то иного, чего-то, что жило в темноте между звёзд.

Он наклонился ближе.

Запах — трупный, сладковатый — ударил в нос, заставив её задрожать.

— Теперь ты наша.

Его рука, костистая, с ногтями, похожими на когти, коснулась её подбородка, приподняв лицо.

— Навсегда.

Глава 9. Игры с тенью

Капитан Эррик провёл ладонью по ржавой стене, и металл заскрипел, будто в ответ. Его пальцы оставили грязный, жирный след, словно сама тьма просачивалась из его кожи.

— Ты знаешь, почему Торн так одержим ею?

Его единственный глаз — мутный, как осколок льда, застрявший в гниющей плоти — буравил Лиана, выискивая слабость, трещину в броне.

Алена напряглась, как загнанный зверь. Веревки впивались в запястья, но боль казалась ничтожной по сравнению с тем, что светилось в глазах Эррика.

Рядом Клод хрипел, бешено дёргаясь в путах. Его лицо побагровело, вены на шее надулись, как канаты.

— Она не просто беглянка...

Лиан говорил сквозь зубы, его голос дрожал, словно он сражался с самим собой. Тень скользила по его лицу, искажая черты, делая их чужими, пугающими.

— В её ДНК сокрыт ключ.

Алена почувствовала, как сердце замерло.

— Какой ключ?! — её голос сорвался, резкий, оборванный, будто кто-то сжал горло.

Эррик рассмеялся.

Этот звук не был человеческим — металлический скрежет, предсмертный хрип механизма, задыхающегося на последних оборотах. От него по спине побежали мурашки, лёд скользнул по позвоночнику.

— Они не посвятили тебя в детали, милая? — он склонился над ней, и его дыхание пахло гнилью и чем-то ещё, кислым, химическим. — Ты эксперимент. Успешный, надо сказать.

Клод рванулся вперёд, словно зверь на привязи. Его лицо исказила ярость, жилы на шее налились кровью.

— ХВАТИТ ЭТИХ ЗАГАДОК! — он зарычал, срываясь на крик. — ГОВОРИТЕ ПРЯМО!

Тишина.

Потом:

— Квантовый резонатор...

Лиан произнёс это шёпотом, не поднимая глаз. Его голос звучал приглушённо, словно он боялся, что стены услышат.

— Тот, что взорвался в её лаборатории.

Алена вспомнила.

Вспышку.

Боль.

Тьму.

— Он не просто перенёс тебя во времени... — Лиан наконец поднял глаза, и в них горело что-то ужасное. — Он изменил тебя саму.

Эррик ухмыльнулся, растягивая рот до неестественных пределов.

Звенящая тишина повисла в затхлом трюме, разрезаемая лишь учащённым дыханием пленников. Воздух стоял тяжёлый, насыщенный запахом ржавчины, пота и страха.

Алена почувствовала, как сердце бешено колотится где-то в горле, готовое вырваться наружу.

— Что... что во мне изменилось?

Её голос дрожал, срывался, словно она уже знала ответ, но боялась его услышать.

Лиан наконец посмотрел на неё.

В его взгляде читалось сочувствие — но не то, что дают слабым, а то, что оставляют обречённым. И страх. Глубокий, первобытный, как перед лицом чего-то, что нельзя остановить.

— Ты можешь чувствовать их.

Он произнёс это тихо, словно боялся, что слова материализуются и ударят его в ответ.

— Корабли Флота. Гиперпространственные коридоры.

Пауза.

— Ты — живой компас, указывающий путь к Центру.

Алена застыла.

— К какому центру?!

Её крик разорвал тишину, отразился от ржавых стен, вернулся к ней эхом.

Эррик с отвращением сплюнул на грязный пол.

— К тому, что Торн с маниакальным упорством строит уже триста лет.

Его глаз, мутный, как грязная лужа, сверкнул.

— Машине Власти.

Клод резко поднял голову.

— Что?..

— Это даст ему безграничную власть. — Эррик засмеялся, и звук этот был похож на скрежет ножа по стеклу. — А миру...

Он наклонился к Алене, так близко, что она почувствовала его гнилостное дыхание на своей коже.

— Придёт конец.

Они сидели в трюме корабля-призрака — огромном, погружённом в полумрак пространстве, где воздух был густым от запахов машинного масла, пыли и чего-то ещё — кислого, металлического, словно здесь когда-то пролилась кровь и так и не была смыта.

Стены были утыканы ржавыми кронштейнами, обрывками кабелей, искореженными панелями — следы былых сражений, оставленные, как шрамы. Повсюду валялись ящики с трофейными припасами — побитые канистры, полуразобранные приборы, странные устройства, назначение которых было уже давно забыто.

Алене развязали руки, но свобода эта была иллюзорной.

За ней зорко наблюдали двое охранников — молчаливых, неподвижных, словно статуи. Их оружие, древние искровые пистолеты с потёртыми рукоятками, казалось, пережило саму историю.

Лиан стоял у стены, прислонившись к металлической балке, покрытой странными царапинами — будто кто-то отчаянно цеплялся за неё перед смертью.

Луч мерцающего фонаря выхватывал его из темноты, освещая лицо — заострённые скулы, глубокие тени под глазами, тонкие, почти прозрачные губы.

Он выглядел болезненно, но не слабым — скорее, как человек, который уже переступил через что-то важное и теперь не может вернуться.

Его глаза, тёмные, почти чёрные, скользнули по Алене, задержались на ней — в них читалось что-то между извинением и предупреждением.

— Меня вырастили в Академии Флота...

Лиан начал медленно, его голос звучал глухо, отстранённо, будто он читал доклад о чужой жизни.

— Но моя сестра... она была чувствующей, как и ты.

Клод скрестил руки на груди, его взгляд был полон недоверия, как будто он уже видел, чем закончится эта история.

— И Торн забрал её.

Не вопрос. Констатация.

Лиан кивнул, его губы дрогнули — едва заметно, но достаточно, чтобы понять: эта рана никогда не затянется.

— Да. Для испытаний.

Он сжал кулаки, ногти впились в ладони, но он, казалось, не чувствовал боли.

— Я пробрался в его лаборатории. Я видел, что он творит.

Алена сглотнула, пытаясь унять дрожь, которая ползла по спине, как ледяные пальцы.

— Что он делает с ними?

Лиан закрыл глаза, словно пытаясь отгородиться от ужасных воспоминаний, но они были сильнее.

— Он ищет устойчивых. Тех, кто сможет пережить переход.

Пауза.

Тяжёлая. Густая.

— Он хочет открыть дверь в параллельные миры.

Клод резко вдохнул, как будто ему ударили в живот.

— И слить их в один.

— Бред сивой кобылы.

Клод в сердцах ударил кулаком по ближайшему ящику. Дерево треснуло, в воздух взметнулось облако пыли, осевшее за долгие годы в этом проклятом трюме.

— А почему тогда он охотится за Аленой?

Эррик ослабилась, обнажив ряд желтых, почти коричневых зубов. Его глаз — единственный, живой — сверкнул торжествующе.

— Она выжила при переходе. Она не просто из прошлого...

Он наклонился к ней, как падальщик, чующий добычу.

— ...она с Земли параллельного мира.

Алена застыла, словно удар пришёлся не по ящику, а по ней.

Это объясняло всё.

Её сны.

Воспоминания, которые не могли быть её.

Чужие лица, кричащие в её голове.

Внезапно пол под ногами дрогнул.

Где-то вдали раздался оглушительный грохот, заставивший содрогнуться весь корабль. Металл застонал, как живой, ржавые балки закричали под натиском чего-то мощного.

Охранники встrepенулись, словно потревоженные хищники, их оружие мгновенно оказалось наготове.

Лиан резко выпрямился, его глаза метнулись к потолку, будто он мог видеть сквозь него.

— Они нашли нас.

Глава 10. Когти Торна

Сканеры корабля-призрака, древние и полуразрушенные, с трудом, но всё же смогли уловить приближение — три чёрных силуэта, резко выделяющиеся на фоне фиолетовой туманности. Корабли Адмиральского Флота — гладкие, обтекаемые, смертоносные — двигались к ним, как акулы, почуявшие кровь.

— Как?! — Алена вскочила на ноги, её голос сорвался на крик, в нём слышался панический ужас. — Мы же в туманности! Здесь нас не должны были увидеть!

Эррик прошипел, его лицо исказила злобная гримаса, превращая и без того уродливые черты в нечто совершенно чудовищное.

— Он почуял тебя, — его голос был словно скрежет ржавого ножа по стеклу. — Ты для него как маяк, зовущий его на погибель.

Лиан резко схватил её за плечи, встряхнув так, что зубы застучали.

— Ты должна научиться блокировать это! Сейчас же!

— Я даже не знаю, как это работает! — она задохнулась, её сердце колотилось так, что казалось, оно разорвёт грудь. — Я никогда этого не делала!

— Закрой глаза. — его голос стал резким, как приказ, но в нём слышалась тревога. — Дыши ровно. Представь стену между тобой и им. Толстую, непробиваемую стену.

Где-то рядом раздался взрыв.

Корабль содрогнулся, закрипел, застонал, словно живое существо, чувствующее приближение смерти. Металл корчился от удара, ржавые балки гнулись, пыль сыпалась с потолка, оседая на лица, на одежду, на дрожащие руки.

— У нас нет времени! — Клод закричал, его голос перекрыл вой сирен, его глаза метали молнии, полные ярости и отчаяния.

Алена зажмурилась изо всех сил, вцепившись в образ стены, как в спасительную соломинку.

В ушах — оглушительный стук крови, громкий, как удары молота по наковальне, заглушающий всё остальное.

Стена.

Толстая.

Непробиваемая.

Стена, отгораживающая её от него.

От его взгляда.

От его присутствия.

От его желания найти её.

И вдруг...

Тишина.

Звонящая, обволакивающая, абсолютная.

Как будто кто-то выключил все звуки в её голове, оставив лишь пустоту, лёгкость, свободу.

Лиан ахнул, поражённый, его пальцы разжались на её плечах.

— У тебя получилось! — он прошептал, и в его голосе было что-то между восхищением и страхом. — Ты сделала это!

Но радоваться было ещё слишком рано.

На искажённых помехами экранах корабля Торна, чёрные, как сама бездна, замерли на мгновение...

...а затем разом развернулись, словно повинувшись невидимой команде.

— Они... они теряют нас? — Алена прошептала, и в её голосе зазвучала робкая надежда, хрупкая, как первый лёд.

Эррик резко втянул воздух, его лицо исказилось — не злость, не ярость, а настоящий, животный ужас.

— Нет. — Его голос превратился в скрежет. — Они что-то отпустили.

И тогда Алена почувствовала это.

Холод.

Не просто холод — полное отсутствие тепла, жизни, света. Оно ползло по её позвоночнику, проникало в самые глубины души, высасывая из неё всё, что делало её человеком.

Пустота.

Не тьма — ибо тьма хотя бы что-то скрывает. Это было ничто, абсолютное, ненасытное, поглощающее всё вокруг.

Оно шло.

Сквозь туманность.

Прямо к ним.

Не спеша.

Неотвратно.

Как хищник, уже знающий, что добыча не убежит.

— Запечатайте все отсеки! — Эррик вопил, его голос сорвался на визг, резкий, пронзительный, как звук рвущегося металла.

Его люди, охваченные паникой, бросились к аварийным щитам, руки дрожали, спотыкаясь о собственные тени. Но было уже слишком поздно.

Оно приземлилось.

Глухой, зловещий стук потряс корпус, от которого задрожали переборки, а в воздухе завис тонкий, пронзительный звон — будто кто-то ударил по хрустальному колоколу, запечатывающему их могилу.

Металл застонал, сконцентрировался, заскрипел, словно живое существо, испытывающее невыносимую боль. Где-то в глубине корабля что-то зашипело, забулькало, будто теперь сам корабль истекал чем-то не кровью, а тьмой.

— Что это?! — Алена прижалась к стене, спина впилась в холодный металл, а по коже бежали мурашки, будто миллионы крошечных лапок скреблись под кожей.

Лиан не ответил сразу. Он выхватил из кобуры древний пистолет, его рука дрожала не от страха, а от чего-то гораздо хуже — узнавания.

— Его новое оружие, — он проговорил, и каждое слово давалось ему с трудом, будто он выплёвывал осколки стекла. — Гибрид. Человек и... нечто.

Стена перед ними взорвалась с оглушительным грохотом.

Металл разорвало на куски, острые, как бритвы, вонзившиеся в противоположную стену. Облако пыли взметнулось в воздух, закрутилось, как живое, заполняя лёгкие, обжигая глаза.

И в этом хаосе, в образовавшемся проёме, словно из преисподней, возникла фигура.

Два метра ростом. Кожа — не кожа, а нечто вроде полированного угля, поглощающего свет, но при этом отбрасывающего зловещие блики, будто под поверхностью ползало что-то живое. Глаза — две узкие щели, из которых лился нестерпимо яркий красный свет, как раскалённая лава, прожигающая всё насквозь.

— Где она?

Его голос не был голосом. Это был скрежет, хрип, звук разрываемого металла, смешанный с предсмертным стоном механизма. В нём не осталось ничего человеческого — только холодная, ненасытная цель.

Алена замерла, парализованная ужасом, её тело отказалось слушаться, кровь застыла в жилах, превратившись в лёд.

Оно медленно повернуло голову.

Щелевидные глаза сверкнули, ярче, яростнее, будто почуяв её.

Прямо на неё.

Глава 11 Выбор

— Беги!

Клод рванулся вперёд, сжимая в кулаке ржавый нож, его лицо исказилось в оскале ярости и отчаяния. Он был как древний воин, бросающийся на гиганта, зная, что это — последний бой.

Легионер (ибо это был именно он) даже не шелохнулся. Одним небрежным движением, будто отмахиваясь от назойливой мухи, он швырнул Клода в стену. Тело ударилось о металл с глухим стоном, и он обмяк, как тряпичная кукла, кровь уже растекалась по виску.

— Нет!

Алена закричала, её голос разорвал тишину, эхом раскатившись по трюму, но Легионер даже не вздрогнул.

Лиан выстрелил из пистолета — луч энергии вспыхнул, осветив на мгновение чёрную как ночь кожу гибрида, но лишь скользнул по ней, не оставив даже ожога.

— Алена, беги! Спасайся!

Но она не могла бежать. Не сейчас. Не после всего, что узнала.

Стена в её сознании рухнула — не под натиском страха, а под напором чужой боли. Тысячи голосов, тысячи жизней, запертых в металлических гробах кораблей-призраков, вдруг заговорили через неё.

И тогда она позвала.

Туманность вспыхнула.

Корабли-призраки, мёртвые десятилетиями, вдруг ожили, будто по мановению руки. Их корпуса, искореженные и полуразрушенные, развернулись в унисон, древние орудия загудели, наполняясь дремлющей смертоносной силой.

Десятки лучей обрушились на Легионера — ослепительные, рвущие саму ткань реальности. Они пронзили его чёрное тело, выжигая плоть, но не убивая, а высвобождая то, что скрывалось под оболочкой.

Гибрид затрясся в судорогах, его конечности дергались, как у марионетки, у которой внезапно перерезали нити. Из его рта хлынула чёрная жижа, а глаза — эти узкие щели ада — вдруг расширились, став почти человеческими.

— Как ты... — прошептал Лиан, его голос прерывался от изумления.

Алена не отвечала сразу. Она стояла, её руки были раскинуты, как у дирижёра, управляющего смертоносным оркестром. Её волосы колыхались в невесомости, а глаза... её глаза светились тем же призрачным светом, что и у кораблей, повиновавшихся ей.

— Я чувствую их, — сказала она, и её голос звучал странно — как будто говорили не только она, но и все те, чьи души были вплетены в этот проклятый флот. — Всех.

Легионер рухнул на колени, его тело больше не слушалось приказов Торна. Он содрогался, и вдруг —

Алена увидела.

В его глазах, глубоко-глубоко, за пеленой тьмы и боли, был человек.

Испуганный.

Запертый.

— Он... заперт в себе...

Алена сделала неуверенный шаг вперёд, её рука дрожала, но тянулась к скрюченной фигуре Легионера. Где-то там, под слоями искусственной плоти и боли, билось чужое сердце.

— Не подходи!

Лиан резко рванул её назад, его пальцы впились в её плечо, но она вырвалась — лёгким движением, которое даже не должно было сработать. Но сработало.

Потому что сейчас она была сильнее.

Она протянула руку.

Коснулась.

И мир взорвался.

Боль.

Не просто боль — миллионы игл, вонзающихся в каждый нерв, каждую клетку. Она кричала, но не слышала собственного голоса — его заглушал Визг. Нечеловеческий. Пронизывающий, от которого кровь текла из ушей, а в глазах лопались капилляры. Тьма, поглощающая все вокруг. Чужой, истерзанный разум, взывающий о помощи.

Картины мелькали в её сознании, как в лихорадочном бреду:

Стеклянные стены лаборатории. Яркий, слепящий свет. Холод металла под голой спиной. Торн, склонившийся над операционным столом, его глаза горят безумным огнём одержимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.